

М. В. ВИДНЕС, В. П. СТЕПАНОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ ОДА М. Д. ЧУЛКОВА

За два года до смерти М. Д. Чулков подвел итоги своей литературной работы, не столько для себя, сколько для потомства. С этой целью в особом «Известии», напечатанном при своих «Записках экономических, для всегдашнего исполнения в деревнях прикащику» (М., 1790), он исправил помещенную в «Опыте словаря» Н. И. Новикова статью о себе и привел список своих сочинений, не только напечатанных или рукописных, но даже и незавершенных. Храпящаяся в Университетской библиотеке г. Хельсинки и до сих пор остававшаяся неизвестной «Ода его императорскому высочеству наследному государю цесаревичу Павлу Петровичу на Новый год, которую приносит всеподданнейший раб Михайло Чулков 1768 года января в 1 день» показывает, что эта автобиблиография при всей мелочности указаний не является полной.

Появление данного рукописного текста в более чем скромном собрании русских рукописей Хельсинкского университета связано с историей его библиотеки. После пожара 1827 г. в Або (Турку), когда единственный в то время в Финляндии Абовский университет был переведен в новую столицу, Гельсингфорс, и переименован в Александровский, его библиотека начала комплектоваться практически заново. В основу ее легли как дублиеты библиотек русских учебных заведений, так и многочисленные пожертвования. Из последних самым ценным и значительным по размеру было собрание книг из библиотеки великого князя Константина Павловича, переведенное в Гельсингфорс в феврале 1833 г. Основу этой библиотеки, как известно, составляла библиотека Павла I, полученная сыном его по завещанию.¹ После смерти Константина в 1831 г. остатки библиотеки, к тому времени

¹ Наиболее полные данные об этой библиотеке и ее судьбе см. в кн.: Мухин С. А. Судьба одной библиотеки. С предисл. В. К. Лукомского. М., 1929, 61 с. Уточнения в кн.: Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки М. В. Ломоносова. Л., 1975.

сильно разрозненной, достались в свою очередь его внебрачному сыну от Жозефины Фридерикс (впоследствии Вейсс) — флигель-адъютанту, ротмистру Павлу Константиновичу Александрову (1808—1857). Он также сильно сократил библиотеку, пожертвовав около 3 тысяч томов в Юрьевский (Тарту) и 24 тысячи томов в Александровский (Хельсинки) университеты.

Ода Чулкова (шифр Sl. Ms.-K-18) написана на 8 листах голландской бумаги, формата 31×20 см, с водяным знаком «Pro patria» по лигатуре VDL (т. е. Ван-Дер-Лей); на другой половине листа буквы G. R. под короной. В свое время ода была переплетена, но переплет XVIII в. не сохранился. От него остался лишь розовый шнур, скреплявший рукопись. Судя по золотому обрезу бумаги и каллиграфическому парадному почерку, это подносный экземпляр. Почерк столь каллиграфичен, что трудно сказать определенно, принадлежит ли он самому Чулкову. Как показывают несомненно принадлежащие его руке документы, он владел подобным почерком канцелярского типа. Несмотря на старательность исполнения или именно вследствие этой старательности в рукопись вкралось несколько ошибок. В 4-й строфе, стих 5-й в слове «лет» не выписано ъ, и оно читается как «льт»; 8-й стих 7-й строфы написан по стертой записи; нарушен размер 5-го стиха 12-й строфы (слово «спасен» не повторено); в строфе 14-й стих 7-й допущена ошибка в слове «благоденство» (написано «бладенство»); подтерта описка в 9-м стихе 16-й строфы. Такое количество ошибок слишком велико для стихотворения в 180 стихов и свидетельствует о недостаточном профессионализме человека, перебежавшего рукопись.

В библиотеке университета Хельсинки имеются еще два экземпляра подобных произведений, поднесенных Павлу Петровичу: «Песнь на рождение великого князя Константина Павловича» (1779) кн. Федора Голицына² и «Ода», посвященная ему же Акимом Павловским. Содержание всех трех рукописей и их оформление (две последние сохранили бледно-зеленый сафьяновый переплет XVIII в.) не оставляют сомнения, что до нас дошли остатки рукописных сочинений из библиотеки Павла I.³

Хронологически ода Чулкова относится к последнему времени его пребывания при дворе в числе ливрейных служителей. Он определился сюда простым лакеем в феврале 1765 г. (об этом можно судить по его жалованью в 40 рублей годовых)⁴ и,

² Известен Федор Николаевич Голицын, сотрудник «Академических известий» и «Опыта трудов Вольного российского собрания при Московском университете», изданий, связанных с Академией наук.

³ О том, что в библиотеке Павловского дворца сохранялись поднесенные писателями произведения, свидетельствуют разыскания С. М. Бабинцева. См. его заметку «В поисках „Клеопатры“». — Русская литература, 1969, № 3, с. 114—116.

⁴ Дело о его определении, по копии П. К. Симони, опубликовано в книге В. Шкловского «Чулков и Левшин» (Л., 1933), правда, не вполне точно.

по-видимому, оставался в этой должности еще в феврале 1766 г.⁵ Затем он получил повышение и стал камер-лакеем. В феврале 1767 г. в официальном отношении Академической типографии его именовали придворным квартирмейстером, а из письма той же типографии об истребовании с Чулкова денег за печатание «Мифологического лексикона» явствует, что 13 сентября 1767 г. адресат находился в Москве.⁶ Если точность указаний о должности Чулкова при дворе вообще может быть подвергнута сомнению, так как вряд ли кто-либо, кроме администрации Придворной конторы, придавал значение разнице между лакеем и камер-лакеем, то звание квартирмейстера сомнений не вызывает. Это подтверждается решением Герольдмейстерской конторы от 23 апреля 1770 г. в связи с поступлением Чулкова в Сенат «О бытии уволенному от двора квартирмейстеру Михайле Чулкову у дел в Сенатской канцелярии с переименованием в чин коллежского регистратора».⁷ По новому придворному штату 1768—1769 гг. квартирмейстер считался в чине подпоручика;⁸ так что в Сенат Чулков поступил с чином меньшим, чем полученный при отставке; чин коллежского секретаря он получил только в 1773 г. Появление квартирмейстера Чулкова в Москве в 1767 г. объясняется совершенно просто. Летом, 30 июля, открывалась Комиссия по составлению Нового уложения, и двор заранее, еще весной, переехал в Москву. Это был первый этап намеченного до заседаний Комиссии путешествия императрицы и наследника по Волге. Но в начале апреля Павел тяжело заболел⁹ и не участвовал в казанской поездке, которую Екатерина совершила одна. В Петербург двор возвратился только в феврале 1768 г.

Таким образом, ода была написана и поднесена Чулковым в Москве, и это прослеживается в ее тексте.

Новый год приветствует прежде всего Москва, «град священный» (строфы 1, 4); она же «простирает руки», в то время как Нева, т. е. Санкт-Петербург, лишь «внемлет звук» похвал правнуку Петра I; Москва «превышает» в этот день весельем все остальные области России (строфа 10). Намерение автора своим песнопением «отгнать печалей тусклу тень» является явным намеком на минувшую болезнь Павла. Стихи «Любовию к тебе горя, Послушные тебе моря Насытятся хотят днесь славы» обращены к нему как к номинальному генерал-адмиралу русского флота. Не забывает Чулков и о самом важном событии года — «Наказе», когда говорит о том, что Екатерина II, «Прияв

⁵ Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря русских писателей эпохи Екатерины II. (На основании документов Архива Конференции Академии наук). СПб., 1914, с. 132.

⁶ Там же, с. 133.

⁷ ЦГАДА, ф. 286, д. 561, л. 105.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 469, оп. 14, д. 10, л. 6 об.

⁹ Шильдер Н. К. Император Павел I. СПб., 1901, с. 68.

из рук творца устав, Дает закон свободных прав» (строфа 13), и называет новый 1768 г. началом нового века (строфа 2). В 13-й строфе оды слышатся отзвуки официальной фразеологии заседаний Комиссии нового уложения: «Сих дел величества и славы, Что ныне Его и наша мать старалась в подданных начать, Чтоб нам явити благоденство»¹⁰ и отчетливо выражается надежда, что Павел будет достойным преемником правления, основанного на подобных принципах.

Хотя конкретные упоминания и присутствуют в оде Чулкова, уяснить, связаны ли они с какой-нибудь политической концепцией, очевидно, можно, только рассматривая их значение в художественной системе оды.

Ода, собственно, не относится к разряду похвальных. Она поднесена, но не посвящена Павлу Петровичу. Впоследствии, например, у Державина стихотворения «на новый год» приняли более личный характер, хотя и сохранили одическую приподнятость. Но Ломоносов уже в оде на 1761 год совместил эту тему с темой восшествия на престол нового монарха, а оду на 1764 год прямо посвятил Екатерине II. Чулков пишет произведение такого же синтетического жанра, но наполненное похвалами в равной мере и Павлу и Екатерине. Любопытно, что назревавший между сыном и матерью конфликт, несмотря на то что к 1767 г. окончательно определились расхождения между нею и Паниным по вопросу о престолонаследии, не нашел отражения у Чулкова. Впрочем, намеки на это не проникали и в современную печатную литературу, по крайней мере их нет в адресованных Павлу стихах 1762—1767 гг.¹¹ В многочисленных одах, посвященных Екатерине, о Павле говорится как о естественном наследнике царствующей матери, не более. Чулков следует этой традиции, хотя и пытается дать ей свою интерпретацию. Если Екатерина, само олицетворение мудрости, приводит в порядок дела государственных, то Павел будет ее грозной десницей, посвятив себя военной деятельности. Бряд ли в подобном разделении сфер влияния между реально царствующей государыней и имеющим право на престол сыном можно видеть отражение тщательно вынашивавшихся Паниными планов.

Все остальные современные аллюзии оды, так же как и поэтические приемы, находятся в прямой зависимости от одической традиции. Десятистишная строфа с рифмовкой а В а В/сс Д е е Д,

¹⁰ См. хотя бы выдержки из выступлений при открытии Комиссии, приведенные С. М. Соловьевым в его «Истории» (т. 27, гл. II) и предложение о поднесении Екатерине титула «Премудрой и Великой матери отечества».

¹¹ В указателе Неустроева не зафиксировано ни одного произведения за это время. Отдельно были изданы по данным «Сводного каталога» оды и стихи И. Ф. Богдановича (1762), В. Д. Санковского (1762, 1763), М. М. Хераскова (1763) и две анонимные оды от имени семинарии Троице-Сергиевой лавры (1763, 1767).

которая применена в оде,¹² восходит к типу, введенному Ломоносовым, в произведениях которого и обнаруживается ряд одических формул, послуживших Чулкову образцом. Зачин представляет довольно неудачное развитие начальных строк оды «На взятие Хотина» (1739): «Восторг внезапный ум пленил, Ведет на верьх горы высокой», варьиовавшихся и у самого Ломоносова, например, в одах 1742-го («Красуйся, дух мой восхищенный...») или 1746 годов. Заключение очень напоминает ломоносовские строки, итожившие восхваление Елизаветы Петровны в оде 1748 г.: «Похвал пучина отворилась, Смущенна мысль остановилась И слов к тому недостает!». Пример наиболее полно развитой прозопопеи — волны, несущиеся, чтобы узреть Павла, — также имеет аналог у Ломоносова. В оде 1742 г. на приезд из Голштинии Петра Федоровича «веселый шум народа» сравнивается с «гласом многих вод».¹³ Образ был повторен поэтом в оде 1762 г. на восшествие Екатерины II, где изображается всеобщая радость в Петербурге: «Несчетно множество народу Гремящу представляет воду, Что глас возносит к небесам». Чулков развивает тот же образ, но центральным членом описания делает морскую стихию; волны выступают в роли подданных русского генерал-адмирала.

Картина восходящего солнца, начинающегося дня, обычная и для од Ломоносова, стала к 1760-м годам поэтическим шаблоном и встречается в большом количестве произведений. Например, в оде, поднесенной Екатерине от семинарии Троице-Сергиевой лавры (1767), она приобретает такой вид: «Уже пребыстрой Фебов конь С багряностию вдруг своею, Из челюстей своих огонь Метая и гордясь зарею, Течет к нам ныне от востока». В отличие от похвальной оды в стихах на новый год аллегорическое появление Феба подчеркивает движение времени. Эта функция усилена в оде Сумарокова от 1 января 1763 г.: «Из моря, ото дна глубока Выходит из далеких вод, Сияя, солнце от востока И начинает новый год». Сумароков затем переходит к уподоблению природного явления переменам в России, которые принес год прошедший, говоря о том, что Екатерина «сняла с России бедства тень». Заявлением о наступлении «нового века» кончает вторую строфу и Чулков.

Остановимся еще на нескольких сопоставлениях сочинения Чулкова с одической поэзией 1760-х годов. Основные ее мотивы,

¹² Пользуемся схемой, предложенной К. Ф. Тарановским в статье «Из истории русского стиха XVIII века. (Одическая строфа Ав Ав ИСС ЕЕ в поэзии Ломоносова)». — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век, сб. 7. М.—Л., 1966, с. 106.

¹³ Данное сравнение анализируется И. З. Серманом в контексте выражений идеи «радости». См. его статью «Ломоносов в работе над текстом „Собрания разных сочинений в стихах и прозе“ 1751 года». — В кн.: Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.—Л., 1965, с. 130.

как уже отмечалось в литературе, были сформулированы в одах 1762 г.,¹⁴ и самым устойчивым было заявление, что, восходя на престол, Екатерина «спасала» страну и народ: у Ломоносова это выражено стихами «Вышний, крепкою десницей Богиню нам подав царицей, От гибели невинных спас» (ср. в оде 1746 г.: «спасенный Север»), у А. Нартова (1762) — «спасительный день», «Екатерина нас спасла»; у А. Сумарокова (28 июня 1762) — «нас злоба поглотить хотела»; у Ржевского (июль 1762) — «мы погибали»; у М. Хераскова (1762) — «Когда спасала нас и узы развязала». Чулков говорит о «спасенном северном народе», о «спасенной России», которая «видит свет по темной ночи».

В одах М. Хераскова (22 августа 1767) и В. Петрова (1767) затрагивался весьма злободневный вопрос о результатах широко развернувшегося при Екатерине привлечения иностранных колонистов. «Се жители пределов разных В одеждах к нам разнообразных С единомыслием текут, Щедротами обворуженны», — писал Херасков. Еще более приукрашивал положение дел В. Петров, говоря о пришельцах, «прикрытых орлими крылами»: «Блажен тот, кто под русским небом Свое дыхание влечет». Уже в предшествующем году выявилась финансовая несостоятельность колонизационных проектов, и в начале 1767 г. выход поселенцев был временно прекращен. Чулков также упоминает о «притекших с дальних стран», но в более нейтральном тоне.

Характерной особенностью одической поэзии 1760-х годов являются частые декларации об отказе от «витийства», мало соответствовавшие реальной практике. Не затрагивая существа поэтики, они сами были поэтическим приемом, долженствовавшим подчеркнуть искренность выраженных мыслей и чувства. Такие заявления мы встречаем у А. Ржевского (июль 1762), у Л. Сичкарева (1763). Отказ Чулкова уподоблять Павла Ахиллу и вспоминать древнюю мифологию сопоставим с этим чисто внешне: на самом деле он является лишь риторической формой отрицательного сравнения. Прямое обращение к содержанию «Илиады», но без неудачной персонификации Трои, встречается в оде Л. Сичкарева 1765 г.: «О вы, в которых те герои Стихах носились до небес, Что жили в славной басне Трое, Иль коих произвел Зевес ... Спешите на брега днесь Невски». Не новым является и применение Чулковым в оде заимствованной из «Псалтыри» мысли об «избранном роде царей». У того же Л. Сичкарева в оде 1763 г. она излагается со ссылкой на источник: «О, ты! коль целым правишь светом И выше звезд имеешь трон, Давиду клялся ты обетом Спасать хранящих твой закон».

Мы попытались показать, как близко перекликается ода Чулкова с современными ей произведениями этого жанра. При этом были опущены столь общие места, как восхваление «золо-

¹⁴ Чернов С. Н. М. В. Ломоносов в одах 1762 года. — В кн.: XVIII век. Сборник статей и материалов. М.—Л., 1935, с. 133—180.

того века», Россия, цветущая подобно «райскому крину» в «эдемском саду», постоянные параллели между Екатериной и Павлом, с одной стороны, и Петром I — с другой; призывы к Павлу быть достойным своей матери, и проч. Большое количество примеров понадобилось потому, что анализ в общем очень устойчивых приемов и формул одической поэзии еще не сделан. В жанре со стабильной образной системой повторения были неизбежны. Неоригинальность Чулкова выражается не столько в повторении уже известного, сколько в том, что у него прием утрачивает внутреннее содержание. В устах сторонников переворота 1762 г. мысль о Екатерине II как спасительнице отечества получала глубокое значение и последовательно обосновывалась. Столь же серьезно звучала шедшая от Ломоносова тема Петра. Даже попытка представить Екатерину защитницей русского православия от посягательства иноземцев при Петре III являлась важным пунктом политической программы для Ломоносова в 1762 г.¹⁵ Комиссия 1767 г. также вызвала ряд программных выступлений русских поэтов. У Чулкова ни одна тема не развивается последовательно и самостоятельно, все они даны в общем перечне.

Более поздние опыты Чулкова в высоком роде поэзии неизвестны. Вряд ли они и были. К 1769 г. относятся насмешки над одами в его первом журнале «И то и сьо». Самые резкие из них находятся в «Плачевном падении стихотворцев», сатирической поэме в бурлескном стиле. Однако не меньшего внимания заслуживают в этом отношении и появившиеся в более ранних номерах «Стихи на качели». Здесь дважды пародируется одический стиль, с которым, как мы теперь знаем, Чулков был знаком на собственном опыте. В связи с этой маленькой бытовой зарисовкой пасхального гулянья Б. В. Томашевский писал: «Она полна намеков на литературные факты. Намеки эти были и в свое время туманными. Теперь многие из них вскрыть невозможно». Главными объектами нападок Чулкова он же называет В. Майкова и В. Петрова,¹⁶ тем более что и они сами считали Чулкова своим неприятелем. Но метод цитатных сближений при устойчивых литературных приемах, как мы видели на примере од, не всегда дает достоверные результаты. Как отметил сам Б. В. Томашевский, несмотря на близость стиха «Нептун из проруби выходит гогольком» к тексту «Елисея», его нельзя считать намеком на Майкова, так как поэма была начата лишь год спустя. В жаркой полемике 1769 г. как личный выпад могли быть восприняты и высказывания общего характера. Так, например, не исключено, что «Стихи на качели» в целом рассматривались как бурлескная пародия на скандально известную «Оду на карусель» (1766) В. Петрова, а строки «И громко и умно да возвещает миру. Что солнце из шаров горящих состоит» и последующие могли напоми-

¹⁵ См. там же, с. 171, 174.

¹⁶ Ирон-комическая поэма. Л., 1933, с. 712.

нить современникам натурфилософскую лирику Ломоносова. По-видимому, у Чулкова соседствуют сатира личная и сатира общежанровая. Вопрос о жанре имел для него важное значение, так как Чулков здесь обосновывал свой выбор стиля и тематики: ¹⁷ вряд ли случайно, что «Стихи на качели» были опубликованы ранее остальных его поэм. В первой их части Чулков перечисляет и достаточно подробно характеризует несколько основных литературных жанров: оды; бурлескная поэма; песни, элегия, эклога (т. е. лирика). Это те жанры, в которых автор потерпел неудачу и от которых он отказывается. Биографические факты позволяют считать, что в данном случае это не чисто условный прием.

О своем не вполне удачном опыте оды Чулков искренне мог сказать, что «сил во мне к тому нисколько не достало». Видимо, у него были и попытки бурлеска. Известно, что в 1774 г. он напечатал (издание не обнаружено) сатирическую (по терминологии XVIII в. — бурлескную) поэму в 9 песнях «Самозванец Гришка Отрепьев». В списке его печатных сочинений упомянуто переложение в стихи «писем Петрарка к любовнице его Лоре». Именно такое издание вышло в свет под именем Александра Тинькова в качестве переводчика (СПб., 1765). С именем того же А. Тинькова и в том же году были изданы «Разные забавные и любовные Овидиевы сочинения в стихах» (СПб., 1768). Чулков же в «Стихах на качели» отмечает литературное несовершенство выполненных им переводов любовных стихов (а не «Превращений») Овидия. Скорее всего, в обоих случаях Чулков выступал в роли сотрудника человека, более состоятельного, чем он сам. Теперь в стихах, как и ранее в прозе, он вступал на путь бытописания с экзотическим фольклорным уклоном. Новонайденная ода подтверждает, что интересы Чулкова эволюционировали, и уже в 1769 г. он отвергал ранние свои опыты.

Повлияло ли как-нибудь на судьбу Чулкова, придворного служителя, поднесение оды высочайшей особе? Сохранились воспоминания его правнучки, написанные по просьбе П. К. Симони в начале XX в.¹⁸ К этому времени приобретенные прадедом имени были уже проданы, архив и библиотека исчезли еще раньше из-за небрежения наследников. Изустное семейное предание приписано в духе романов о екатерининском веке. Мемуаристка не знает о службе Чулкова лакеем и уверена, что он был в числе придворных, чуть ли не доверенным лицом при императрице, ее любимцем. Она свидетельствует, что он был пожалован брильянтовым перстнем, табакеркою (тоже с брильянтами) и таким ин-

¹⁷ На связь Чулкова с борьбой вокруг проблем жанра в 1760—1764 годы указывает Г. П. Макогоненко в своей книге «От Фонвизина до Пушкина. Из истории русского реализма» (М., 1969, с. 145). Вместе с тем, кажется, нет достаточных оснований считать выступления Чулкова пародией на прои-комическую поэму.

¹⁸ ГПБ, ф. 696, № 103, л. 5—10.

тимным подарком, как полдюжины фуляровых платков. Может быть, конечно, со скидкой на степень фантазии семьи дворян из солдатских детей, здесь и отразились воспоминания о каком-то единовременном пожаловании Чулкову, об интересе императрицы к служителю, причастному литературе. Ведь в это же время другой квартирмейстер, Василий Трутовский, занимал неофициальную должность камер-гуслиста ее величества. Но документированные литературные связи Чулкова с двором начинаются позднее. Печататься на счет Кабинета он начал только с середины 1770-х годов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОДА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
НАСЛЕДНОМУ ГОСУДАРУ ЦЕСАРЕВИЧУ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ
НА НОВЫЙ ГОД, КОТОРУЮ ПРИНОСИТ
ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ РАБ МИХАЙЛО ЧУЛКОВ
1768 ГОДА ЯНВАРЯ В 1 ДЕНЬ

Взносись на верх Парнасских гор,
Красуясь, дух мой восхищенный,
Чрез степь и дол прости свой взор,
В страну любви и в град священный;
Уже храм славы пред тобой
Отверст божественной рукой.
Устрой священным тоном лиру,
Отгнав печалей тусклую тень,
Воспой благословенный день,
Явись великолепен миру.

Уже на огненных волнах
Из недр восточных пучины
Явился в ясных небесах
Открыватель Росския судьбины.
Блеснул пресветлым Феб венцем;
Взносясь, торжественным лицом
В полночный край с небес взирает,
Спасенный северный народ
Встречает счастья новый год,
И век он новый начинает.

Незнаемы нам бремена,
Что многих в мире тяготили,
Едемски всходят семена,
Что здесь щедроты насадили.
Среди пресчастливых судьбин
Россия так, как райский крип,
Превысит счастьем державы.
Златой течет у нас нынъ век,
Правдив здесь будет человек
Всегда способен вышней славы.

Уже в Ефире слышен глас,
Колеблет воздух гром ужасный
И, что в восторг приводит нас,
Там слышен песней лик прекрасный.

Москва, подняв из лет главу,
Взнесла народную молву;
Слова и мысль у всех едина;
Гласят: «Отверста к счастью дверь;
Стократ мы счастливы теперь:
Здесь царствует Екатерина».

Земное в мире божество,
Цари окрестных стран и дальних
Хранит вас вышнее существо
От всяких случаев печальных.
Пред богом вы избранный род,
И вам вручен под власть народ.
Устав всевышнего храните,
Да будет вам всегда хвала;
В пример великие дела
Екатерины возьмите.

Счастлив стократно человек,
Кто слышит о делах подробно,
Блажен, кто с дальних стран притек
И видит оные удобно;
Блаженней странник всякий днесь,
Которой век проводит здесь:
Здесь ангел мира на престоле,
Прибежище и всем покров.
О Россы! кто из вас таков
Дерзнет желати счастья боле?

Но что за звук пронзает слух
И с шумом выше гор стремится,
Бодрит во мне веселый дух?
Восторг в груди моей теснится.
Се слышу глас от дальних стран,
Где обнял землю Окиян,
Валы в Балтийский понт стремятся,
Бегут, гордясь седым хребтом,
Трясут, как горы, там верхом
И влагой, как огнем, дымятся.

Ударившись о брег крутой,
На коем град Петров поставлен,
Жилище Истины святой,
Где Росс от пагубы избавлен.
Взбегают на бугры и бор
Дабы узреть похвал собор,
Тебя, наследника державы;
Любовию к тебе горя,
Послушные тебе моря
Насытиться хотят днесь славы.

Когда от сих блаженных мест
В концы вселенныя стремилась
Со звуком слава, выше звезд,
И выше молний возносилась
Твою премудрость возвещать
И свету ясно показать,
Что Павел разумом сияет;
В тебе душевны красоты,
Премудрости источник ты
Во всем нас опыт уверяет.

Тогда различных стран народ,
Древа и горы восклицали,
Ефир, земля, собрание вод
Хвалу владыке воссылали,
Что он умножил чудеса;
Склонив зиждитель небеса,
Твое благословил начало;
Мы зрим уже в России свет,
Тобой победы он внесет,
Нам солнце правды воссияло.

Нева с восторгом внемлет звук,
Москва уж руки простирает,
Что гром Петров готовит внук
И с ним противных покарает.
Сии дары тебе даны,
Кичливые прейдешь страны,
Рассыплешь вредны россам стены,
И где ни будет дуть Борей,
Мы тамо узрим твой трофей,
Омытый током Ипокрены.

В тебе предвидим страх врагов,
В тебе предвидим дух военный;
Ты будешь подданных покров
Тобою будем мы спасенны.
Представив прадедов дела,
От коих в свет произвела
Тебя всещедрая судьбина,
Нельзя, чтоб сей священный дом
Для дерзкой злобы не был гром;
Разит, защита нам едина.

Спасенная Россия, ты
Взведи на небо ныне очи;
Забудь минувши суеты,
Ты видишь свет по темной ночи.
Прошел, «прошел» твой бывший стон,
Ликует Волга, Днепр и Дон;
Нева с весельем протекает,
Ключи, озера и моря
Шумят, сей радостью горя,
Москва в сей день их превышает.

Тебе всевышним ныне дана
Премудрая императрица;
На трон монарший взведена
С ней кунно сильная десница;
Господь ея устами рек:
«Да будет здесь счастливый век!»
Она здесь оный созидает,
Приав из рук Творца устав,
Дает закон свободных прав
И власть любовью утверждает.

Наследник многих здесь корон,
Всея окрестныя державы,
Когда, взмужав, взойдет на трон
Сих дел величества и славы,
Что ныне его и наша мать

Старалась в подданных начать,
Чтоб нам явити благоустройство,
То он ко славе ей и нам,
В угодность щедрым небесам
Исполнит оных совершенство.

А ты, зиждитель всех веков,
Источник возраста и время,
Воззри с небесных к нам кругов,
Благослови Петрово племя.
Ты наш спаситель искони;
Венчай нам времени начало,
Его средину и конец,
И нашу искренность сердец,
Чтоб с нею счастье протекало.

Услышь молитву нас, рабов;
Тебя, о боже, призываем
Под твой всеильный мы покров
С единой мыслью прибегаем;
Продли создатель Павлов век,
Как может больше человек
Достигнуть поздних лет седины;
Подай нам радость и покой,
Чтоб нами он владел с тобой
И с именем Екатерины.

Прости мне лживых басней мать,
Мечем поверженная Троя,
Что я не тщился показать
С Егидом русского ироя;
И Марсов здесь кровавый меч,
Которой хочет он извлечь,
Беллоной к гневу устремленный;
В сей песни мною был презрен
И тот бессмертный, что пронзен
Стрелою в пяту, изумленный.

Без сих надутых он похвал,
Велик и тела красотою;
Таланты многие снискал;
Велик прекрасною душою,
Летами отрок, царь умом,
Геройский дух я вижу в нем,
И храбрость в нем Петру подобна.
Похвал пучина предо мной,
В которых тонет разум мой,
И мысль исчислить не удобна.